

О РОЛИ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ, ФАКТОРОВ, ТЕНДЕНЦИЙ И СЛУЧАЙНОСТЕЙ
ПРИ ПЕРЕХОДЕ ОТ РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОГО СТРОЯ К ФЕОДАЛЬНОМУ
В ВИЗАНТИЙСКОМ ГОРОДЕ.

(доклад на научной конференции истфака УрГУ в 1964 году)

Несоответствие развития производительных сил, установившихся в позднеримской империи с существовавшими рабовладельческими производственными отношениями, как известно, вело к разложению рабовладельческого строя в целом и вызывало необходимость перехода к новому способу производства, к новым методам эксплуатации, к новым формам государственного принуждения трудящихся, к новой идеологии. На современном этапе развития советской исторической науки недостаточно ограничиваться сведением исторического анализа к установлению конечной причины; недостаточно исходить из основного антагонистического противоречия, соответствующего данному способу производства. При таком подходе не может быть учтено все многообразие исторических явлений. На это обратила внимание наша историческая общественность (см. "Коммунист", 1964, № 2 и "Вопросы Истории" 1964, № 3). Именно против такого сведения исторического процесса к конечной причине протестовал Ф.Энгельс в своем известном письме Блэку 21 сент. 1890 г. (Соч., т. XXIII, 242-243) - "Маркс и я были виноваты отчасти в том, что молодежь иногда придавала больше значения экономической стороне, чем это следует ... Нам приходилось, возражая нашим противникам, подчеркивать главный принцип, который они отрицали, и не всегда находилось достаточно времени, места и поводов отдавать должное и остальным моментам, участвующим во взаимодействии".

Это замечание Ф.Энгельса относится и к нашей исторической литературе, в особенности в части истории народных движений.

Это целиком относится и к исследованиям о византийском городе. В нашей литературе город понимается только как экономическая категория, как производственный центр, без наличия

данных о которых город не считается городом. Меньше, чем следовало бы, придавалось значение государственной власти, законодательству, политике господствующей прослойки, различным случайностям, исторической традиции. Относительно государственной власти и влияния ее на экономику Ф. Энгельс писал, что она "может причинить экономическому развитию величайший вред и может породить растрату сил и материала в массовом количестве"

Основной темой медиэвистики является проблема генезиса феодальных отношений. В истории Византии эта проблема представляет особую трудность именно потому, что в Византии переход от рабовладельческой формации осуществлялся без такого крупного потрясения всех основ общества, без краха старинной государственности, как это наблюдалось на Западе. Исторические традиции оказывали самое существенное влияние на весь переходный период, что особенно отразилось на городе, который был основой античного общества.

На характер города, как исторической категории, оказывают влияние закономерности соответствующих экономических формаций. Безусловно, между городом рабовладельческого периода, феодального строя и капитализма имеется существенная разница. Но, нужно сказать, что тем не менее между всеми этими типами городов наблюдается и много общего. Это общее является действием закономерностей товарного производства и товарного обращения; эти закономерности имеют в некоторой степени самостоятельное значение, независимо от существования данного способа производства, как, например, законы денежного обращения.

Город в Византии всегда был и центром экономики окружающего района, центром административно-правового устройства, государственной идеологии, образованности и культуры. Было бы ненаучным, немарксистским абстрагировать экономическую функцию города от политически-правовой, идеологической и культурной сфер. При наличии натуральнохозяйственной периферии город был мощным стимулом превращения натуральнохозяйственного продукта в товар. Эта экономическая функция превращения натуральнохозяйственного продукта в товар является особенно важной для города особенно в период его генезиса, а также во время спада экономики в стране. "Как известно, товарное обращение предшествует товарному производству и составляет одно из условий (но не единственное условие) возникновения этого последнего", (В. Ленин, Соч., 4 изд., т. 3, 485).

В первую очередь это превращение продукта сельского хозяйства в товар осуществлялось путем византийского давления — налогового обложения населения деревни. Ярко рисуют источники это в период особого упадка товарнохозяйственных отношений в VI веке: в Константинополе при иконоборческом императоре Константине отмечено было удивительное изобилие продовольствия на рынке — "Неразсудительные люди, — писал патриарх Никифор, — объясняли это изобилием плодов земли, а разумные — проявлением жадности, тирании и человеконенавистничества", т.е. Константина V обвиняли в чрезмерном налоговом обложении деревни, в результате чего на рынок поступала масса продовольствия, которое крестьяне были вынуждены, отрывая от собственного потребления, продавать в городе по — дешёвке. Это превращение натуральнохозяйственного продукта в товар было тем важнее в хозяйственном отношении, что основными предметами массового товарного обращения в раннее средневековье были не изделия городского производства, но продукты сельского хозяйства — хлеб, вино, оливковое масло, мед, мясо, продукты промыслов — рыболовства и охоты. "Книга Эпарха" даёт картину связи города с его периферией.

Неразрывно с этим выявляется и социальная функция византийского города; он был центром, через который государство осуществляло свою сущность как орудие господствующего класса в эксплуатации трудящихся — в противоположность Западу, где таким центром был замок сеньора. . В византийском городе почти во все времена существования Византии крупные землевладельцы имели постоянное местопребывание. Это делало город центром кумуляции доходов с поместий, ренты, церковных доходов. Наличие бюрократической прослойки "архонтов", епископов с их штатом и крупных землевладельцев естественно приводило к тому, что реализация доходов этих прослоек стимулировала развитие ремесла и торговли в городах, хотя, в свою очередь, выбор административного и епископского центра определялся наличием производственных условий для содержания административного и церковного аппарата. Нужно отметить, что в Византии выбор административного и епископского центра во многом определялся исторической традицией прошлого

В истории Византии не приходится говорить о конечной причине возникновения городов – все византийские города сложились в античное время как в Малой Азии, так и на Балканах. В источниках мы не можем найти примеры образования новых городов наподобие германских, возникших в результате выделения ремесла от сельского хозяйства. Так называемые "новые города" являлись в большинстве случаев перенесение центра города в подгородное поселение (Колоссы-Хонны, Спарта-Мистра, ряд далматинских городов). Византийские города вошли в средневековье "в готовом виде", т.е. как центры экономики, административные и культурные.

В вопросе о преемственности имущественных отношений в византийских городах от античных, позднеримских городов, мы должны исходить от основных положений классиков марксизма. "История есть не что иное, как последовательная смена отдельных поколений, каждое из которых использует материалы, производительные силы, переданные ему всеми предшествующими поколениями; в силу этого данное поколение, с одной стороны, продолжает унаследованную деятельность при совершенно изменившихся условиях, а с другой стороны – видоизменяет старые условия посредством совершенно измененной деятельности" (К. Маркс-Ф. Энгельс, Соч., 2 изд. т. 3, 44). Византийские горожане продолжали деятельность в изменившихся условиях. Прежде – товарное хозяйство обслуживало рабовладельческое общество – теперь же – развивающееся феодальное. И собственность на средства производства и организационные формы объединений могли и должны были иметь непрерывную преемственность от позднеримских традиций. Но деятельность этих объединений оказалась измененной: если труд раба в античном городе был основным источником дохода, то в период генезиса феодализма труд раба из основного делался подсобным. Личный же труд собственников мастерских, который был нетипичным для античного мира, стал необходимым в период перехода к феодальным отношениям. В IV-V веках круто изменилось руководство городами – Сословие куриалов – городских землевладельцев – потеряло господство над городом, но новая знать фактически стала продолжать функции старой в части эксплуатации городского населения.

Несмотря на крутые сдвиги, основы гражданского права преодолели тенденции к их изменению в результате новой христианской идеологии. Полное отрицание христианским мировоззрением античной культуры очень скоро сменилось в городах тесной связью с языческими обрядами и философским обоснованием христианских догматов. Воинствующая мораль древнего христианства под давлением товарного окружения очень скоро перешла в полное слияние с обычной для того времени моралью. В виду мощного влияния законов товарного производства и товарного обращения при переходе от античного города к средневековому действительность закона отрицания не могла проявляться остро и прямолинейно. Наоборот, действие закона отрицания отрицания было в значительной степени облегчено. Это обоюдное действие законов товарного обращения и закона отрицания отрицания привело к торжеству континуитета наследия античной цивилизации в городах Византии.

В темные века относительного упадка городской культуры в Византии (сер.7-сер.9 вв.), когда вследствие случайных для развития Византии явлений — славянских вторжений на Балканский полуостров и арабских завоеваний — крупное землевладение и торговые пути потерпели тяжелый удар и когда в большой степени провинция перешла к натуральному хозяйству, сохранение центрального государственного аппарата способствовало сохранению городского общества. Именно наличие в городах административного и церковного аппарата содействовало превращению натуральнохозяйственного продукта деревни в товар, а с другой стороны неизбежно приводило к развитию ремесла, торговли, строительства в городах, сохраняя таким образом в тяжелых условиях моменты континуитета античного города.

Географический фактор обеспечил малоазийским городам и в особенности Константинополю удобства для внешней морской торговли. Константинополь как нельзя лучше подходил для мирового торгового центра, куда могли съезжаться торговцы со всех сторон.

Это был поистине золотой мост, соединяющий Запад и Восток. Но Константинополь относительно слабо был связан с периферией на Балканах и в Малой Азии. Обычно для развития внутренней торговли наиболее удобными являлись речные пути. Константинополь лежал вне речных путей. Для развития активной внутренней торговли он

не представлял удобств. Географический фактор способствовал пассивному характеру торговли в Константинополе. Эту особенность Константинополя использовала в своих интересах константинопольская знать, поддерживая обеспечение ввоза товаров иностранцами и купцами провинциальных городов. Постоянное наличие иностранцев с товарами, продавцов и покупателей, были выгодны домовладельцам, владельцам подгородных проастиев, ростовщикам и ремесленной верхушке Константинополя. Такая пассивная торговля создавала временный блеск Константинополя, но задерживала рост провинциальных городов и развитие внутреннего рынка.

Константинопольское городское хозяйство испытывало характерные для пассивной торговли времена упадка и подъема. В "Книге Эпарха" несколько раз фигурирует термин *εἰς κρηδὴν ἐνδεδέσας* — на время недостатка, на время кризиса рынка. Что представлял собой этот "кризис недостатка"? Можно было бы думать, что это в первую очередь результат недорода, неурожая, недостатка продовольствия. В источниках часто говорится о народных волнениях в результате дороговизны хлеба в Константинополе. Однако термин "эндейя" имеет в виду общее угнетенное состояние константинопольского рынка. Михаил Атталиат указывал в своей "Истории", что при неурожаях или затруднениях в снабжении столицы хлебом, с повышением цен на хлеб все хозяйство столицы приходило в тревожное состояние: приходилось повышать заработную плату мистиям, морякам, ремесленникам при заказах, строителям, на питание челяди из слуг и рабов.

Если отдельным ловким лицам и удавалось получить сверхприбыли на общем стеснении, то на рынок эндейя отражалась самым пагубным образом. Но необходимо отметить, что по "Книге Эпарха" понятие эндейя к недостатку продовольствия относится только один раз /в отношении недостатка мяса—XVI, 5/. В остальных случаях термин эндейя относится 1/ к накоплению мелкой монеты, 2/ к накоплению товаров парфимерии, 3/ к товарам бакалейным, 4/ к импортным товарам вообще. Безусловно, при дороговизне часто ощущался недостаток разменной монеты, так как в Византии платили за товар ровным счетом. Давать сдачу значило подрывать монополию менял. Относительно недостатка товаров, осо-

бенно импортных, причиной можно полагать внутренние волнения, в нешнеполитические трудности, войны. Приезд иностранных купцов зависел не от внутреннего положения в Константинополе, а от положения на Востоке, на Западе, в славянских странах. Конъюнктура константинопольского рынка зависела в основном от случайных внешнеторговых и внешнеполитических событий. Конъюнктура рынка при пассивной торговле всегда более неустойчива, чем при активной, основанной на самостоятельной внешней торговле и изделиями своего производства. Эта неустойчивость приводила к развитию наемного труда в ремесле и торговле в Константинополе. При неустойчивости спроса на изделия ремесла владельцам эргастериев невыгодно было иметь на производстве многих рабов или постоянных, тесно связанных с эргастерием подмастерьев типа немецких городов. Нанимались в Константинополе мистия сроком на один месяц. В этом отношении рынок труда в Константинополе отличался от типичных городов средневекового Запада, где ремесло имело относительно устойчивую клиентуру. Летом, когда в Константинополе во время навигации было много иностранцев и провинциалов, когда спрос на товары был велик, мистия могли легко найти работу. Летом работники требовались и на строительстве и в подгородных проастиях и в качестве грузчиков и матросов. Зимой вся масса мистия превращалась в деклассированную массу безработных, нищих. Об этом красочно говорил в начале V века Иоанн Златоуст. Такая участь трудящихся низов Константинополя наложила особый отпечаток на плебейские массы Константинополя — приблизила их к типичному лмпенпролетариату с его неустойчивой психикой. Это были очень возбудимые массы с сильными эмоциями озлобленности. Но эти массы неспособны были на планомерную борьбу, но зато оказывались удобным материалом для внутриклассовой борьбы в среде эксплуататоров. И как характерный метод участия в борьбе — организация погромов с грабежами домов знати. Такие погромы были часты во все времена существования Византии как против готов на рубеже 4 и 5 веков, так и против итальянского купечества в поздней Византии. При всяких стихийных антиправительственных выступлениях плебейские массы Константинополя проявляли себя только как неорганизованные лмпенпролетарии со всеми отрицательными сторонами участия в движениях деклассированного элемента. Такая форма борьбы, как погром, в конечном счете оказывался невыгодным византийскому

господствующему классу, однако участие подобных плебейских масс были неотвратимы в каких бы то ни было городских движениях в Константинополе именно в силу специфики трудящихся низов в столице.

Основываясь на многочисленное трудящееся население городов, Византия, в противоположность Западу, сумела сохранить государство, народность, основы гражданского права, покоящиеся на началах частной собственности и имущественных отношениях, связанных с товарным производством и обращением. Поскольку самые широкие массы были втянуты в товарное хозяйство, как в городах, так и на периферии, принципиального протеста против имущественных отношений в Византии фактически не проявлялось. В византийском гражданском праве не было преимуществ благородному по происхождению, но только по положению в обществе, при этом не было принципиальных преград для продвижения удачливым единицам из самых низких слоев свободного населения в самые верхушечные прослойки знати! Всем было, например, известно, что мясник Лев стал императором, — показывали даже его прилавок! Всем было также известно, что деревенский парень Юстин добился своей службой императорского престола, а деревенский мальчишка Юстиниан стал "мудрейшим и величайшим" из императоров! Что среди вельмож в любое время было сколько угодно выходцев из низов! Поэтому в Византии в народных движениях не было таких прямолинейных движений за физическое истребление благородной знати, как это было на Западе. В Византии народные движения проходили в основном как выступления претендентов на престол, как "апостасии". Население поддерживало этих претендентов (обычно тоже из знати) надеясь, что новый правитель будет меньше насильничать — что вместе с претендентом выдвинутся и его сторонники из низов!

Все зло, полагали, в носителях власти, а не в порядках, которые очень хороши. Приск передает в своем сочинении о посольстве к Аттиле, как он вел беседу с изменником-греком, перебежавшим к гуннам. Перебежчик стремился оправдать свою измену отечеству тем, что в Византии нет справедливости — судьи взяточники, богатый притесняет бедного. Но в заключение перебежчик сказал: "Законы хороши, Римское общество прекрасно устроено, но правители

портят и расстраивают его, не поступая так, как поступали древние!". Можно думать, что это мнение разделяли и те, которые выступали в народных движениях вплоть до последних дней Византии. Но с того времени, когда Византия стала на западный путь феодализма, когда "благородные" феодалы противопоставлялись прочему населению (наперекор действовавшему гражданскому праву), тогда народные движения стали приобретать особую направленность против феодальной знати как таковой.

Спецификой Византии являлось противоречие между гражданскими законами и разящими злоупотреблениями властей в условиях, когда добившийся богатства человек мог перейти на положение знатного, но где при чрезвычайно низкой оплате за труд невозможно было добиться богатства трудом. Среди населения развилось стремление выйти из низкого положения путем разных низких приемов — угодничеством, лестью, интригами, юварством и предательством, обманами, доносами, взятками — все средства казались хорошими для получения влияния в обществе и богатства. Письма византийцев X—XII веков ярко рисуют психику византийского общества. Такое же настроение можно наблюдать и среди зависимых людей, оставшегося рабства. Важным казалось добиться расположения господина — и униженное пресмыкательство, раболепие и в то же время юварство — это все то, что послужило созданию понятия "византизма", как нечто чрезвычайно предвудительного в моральном отношении.

Поскольку все социальные бедствия объяснялись не устройством общества, а личными злоупотреблениями носителей власти, то естественно, что протест против социального гнета велся по линии морали, призывов к внутренней правде, самоуглубления и стремления к отвлеченной справедливости. Всё — и империя с ее развращенными чиновниками и церковь с погрязшими в пороках иерархами — всё казалось творением сатаны, и только духовное начало — внутренняя правда человеческой души, совершенно изолированное от материального казалось единственным настоящим творением божества. Развившиеся процессы феодализации привели к оформлению воззрений павликиан, считавших всё материальное творением сатаны. Павликиане во время процессов

феодализации в Византии (особенно на Востоке, где эти процессы проходили наиболее бурно), представляли крайнее направление самого прямолинейного протеста против мира насилия, однако они, выступая против всего материального, по существу не могли быть носителями идей какого-нибудь нового общественного строя. Отвергая всё материальное, они по существу ставили себя вне византийского общества и их идеология фактически проповедывала пассивное сопротивление путем безразличия и враждебности к любому государственному строю. Только самое зверское преследование ереси при Михаиле III, лишение их земель, заставило павликиан временно взяться за оружие, опять таки не путем стремления захватить власть в Византии, а в противостоянии себе Византии. Совершенно ясно, что не таким путем должны массы вести борьбу против социального гнета. Полное презрение к материальному фактически создало такое настроение безразличия среди народных масс, что впоследствии, после поражений при Манцикерте и Мириокефалоне, Малая Азия так легко попала под полное владычество турок и настолько полно, что греческий элемент в Малой Азии (вдали от городов средиземноморья) полностью исчез. Такое же убийственное значение для оказания сопротивления захватчикам-туркам имело и распространение на Балканах других мистических направлений, как исихазма.

Что же касается масс константинопольского населения, то можно считать, что в продолжение всего существования Византии оно не склонно было поддерживать мистические направления духовной жизни. Официальное православие, центром которого был "вселенский патриархат", как нельзя лучше соответствовало настроениям и интересам константинопольского населения, поскольку централизация церкви вокруг патриарха привлекала в столицу множество клиентов, покупателей, приток "подношений", так или иначе отражавшихся и на константинопольских низах.

Константинопольские массы резко выступали против александрийского патриарха, когда тот пытался установить свой примат в православной церкви в IV-V веках. Население Константинополя до конца резко выступало против всякого сближения с римским папой /особенно во время разрыва церквей и попыток к унии / Разумеется, в этом имело значение и засилье итальян-

янского купечества, установившееся в конце XI века, почти полностью убившее константинопольское ремесло и предпринимательство.

Что же касается отношений города и деревни, то мы можем констатировать разрыв между развитием города и деревни в Византии 7-10 вв. Если в византийском крупном городе закономерности перехода от рабовладельческого строя к феодальному не могли длительно действовать в направлении закона отрицания, если в городе в силу действия законов товарного обращения очень скоро стали действовать моменты закона отрицания отрицания и рано торжествовали элементы синтеза, то в византийской деревне действие закона отрицания проявилось значительно прямолинейнее, более последовательно (за исключением подгородных районов, вовлеченных в товарное хозяйство города). Поскольку феодальный способ производства связан с предоставлением непосредственному производителю возможности распоряжаться мелкими средствами производства в мелком индивидуальном хозяйстве натуральнохозяйственного характера, развитие византийской деревни проходило именно в направлении действия закона отрицания, при чем прямолинейность и длительность действия этого закона поддерживались городской константинопольской знатью, пока она находилась при власти в Византии. Вместо рабовладельческих поместий, где употреблялся в большом количестве труд рабов и не отличавшихся от рабов знапографов — выросли количественно и укрепились внутренне свободные крестьянские общины. Рабский труд был сведен до минимума, личный труд распорядителя мелкими средствами производства стал основным принципом деревни. Город через налоговый аппарат и торговлю эксплуатировал деревню и насколько было возможно в тех условиях, задерживал торжество сеньориальных форм эксплуатации. Но в дальнейшем предвратить действие закона отрицания отрицания было невозможно: в обществе, построенном на принципе общественного разделения труда, закон отрицания отрицания должен был проявиться в виде видоизмененного повторения тех суровых форм эксплуатации личного труда земледельцев, которые в позднеантичном мире проявлялись в институте рабства и колоната — теперь же в виде института парикии. Новеллы X века не могли на длительный срок сдержать этот процесс и в конце XI века при Комнинах действию закона от-

рипання отрицання предоставлен полный простор. Хотя формы паркиши во многом отличались от форм колоната, хотя днаат XII века глубоко отличался от землевладельца- сенатора IV-VI веков, но внешне казалось, что положение позднеантичного общества в византийской деревне повторялось в последние века существования Византии. Развитие сеньориального хозяйства при Комнинах при обычае местожительства крупных феодалов в городах привело к кумуляции феодальной ренты в провинциальных городах, что содействовало временному расцвету городов в провинции в XII веке. Однако развитие феодальных отношений в византийской деревне было замедленным, Искусственная задержка действия закона отрицания отрицания стоила Византии отсталостью от развития Запада. Регулирование общественного разделения труда посредством государственной власти, чиновниками, сборщиками налогов, судьями, регулирующими уставами для корпораций были явно недостаточными в условиях того времени. В силу законов общественных формаций при переходе к феодальным отношениям рациональным было бы не регулирование государством общественного разделения труда, а хозяйственное регулирование сеньора в рамках феодального поместья и классом феодалов в целом в виде стимулирования хозяйственной независимости, простора для эксплуатации сеньориального типа. Длительное регулирование общественного разделения труда в Византии на основе континуитета гражданского права государством в условиях феодального способа производства привело византийское общество к заметному отставанию от западного феодализма, причем в первую очередь в такой важнейшей отрасли, как в военном деле. Гибель Византии обусловлена была комбинацией специфики византийского развития с элементами случайности. Для истории Византии появление турок было случайностью: оно не исходило из внутреннего развития Византии - но оно было в конкретной обстановке решающим в гибели Византии.

М. Сидоров
мск 1967.